

УДК 37

DOI 10.34670/AR.2025.57.68.010

Участие работодателей в развитии системы пенитенциарного образования: систематизация опыта ЕС

Смирнов Олег Аркадьевич

Кандидат физико-математических наук, доцент,
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина,
115035, Российская Федерация, Москва, ул. Садовническая, 52/45;
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

В данном аналитическом обзоре рассматривается системная проблема низкого образовательного уровня среди заключенных как глобальный структурный феномен в странах ЕС и других странах. Подчеркивается, что образовательный дефицит, сочетаясь с другими факторами социального неблагополучия, представляет собой ключевое препятствие для ресоциализации. В работе прослежена эволюция пенитенциарного образования от базовой грамотности к комплексным многоуровневым программам, включающим профессионально-техническую подготовку и высшее образование. На основе актуальных эмпирических данных и мета-анализов доказывается статистически значимое влияние образовательных программ на снижение рецидивизма в пенитенциарной системе ЕС и повышение вероятности трудоустройства после освобождения. Особое внимание уделяется методологическим вызовам, теоретическим основаниям (утилитаризм, теория человеческого капитала, восстановительная парадигма) и каузальным механизмам этого влияния. Центральным выводом является демонстрация критической роли формальной сертификации образовательных результатов, которая обладает не только утилитарной, но и глубокой символично-психологической ценностью, способствуя трансформации идентичности. В заключение формулируются стратегические рекомендации по оптимизации пенитенциарной образовательной политики, нацеленные на максимизацию реабилитационного эффекта через интеграцию базового образования, практических навыков и официального признания квалификаций.

Для цитирования в научных исследованиях

Смирнов О.А., Слабкая Д.Н. Участие работодателей в развитии системы пенитенциарного образования: систематизация опыта ЕС // Педагогический журнал. 2025. Т. 15. № 8А. С. 76-85. DOI 10.34670/AR.2025.57.68.010

Ключевые слова

Пенитенциарное образование, ресоциализация заключенных, рецидивизм, образовательный дефицит, функциональная неграмотность, реабилитация, реинтеграция, человеческий капитал, восстановительное правосудие, программы снижения рецидивизма, трудоустройство после освобождения, формальная сертификация, профессионально-техническое обучение в тюрьмах, цифровая грамотность, социальная исключенность.

Введение

Низкий образовательный уровень сохраняет статус устойчивой структурной характеристики контингента лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в глобальном масштабе и по отношению в пенитенциарной системе стран ЕС. Эмпирические данные, аккумулированные международными организациями, свидетельствуют о том, что эта проблема носит не случайный, а системный характер. Согласно мета-аналитическим обзорам, распространенность функциональной неграмотности, под которой понимается неспособность понимать и использовать печатную информацию в повседневной жизни, достигает среди заключенных 40-60%, что в 3–5 раз превышает среднестатистические показатели по генеральной совокупности на примере стран ЕС [Charles et al., 2021]. Аналогичный дисбаланс наблюдается в отношении полного среднего образования: если в развитых странах его имеют около 85% взрослого населения, то в пенитенциарных учреждениях эта доля падает до 30-35% [Lockwood, 2022]. Более того, углубленный анализ выявляет кумулятивный эффект множественных факторов социального неблагополучия. Значительная часть заключенных сталкивается с комбинацией низкого образовательного уровня, психических расстройств, наркозависимости и опытом маргинализации, что создает комплексный и взаимно усиливающийся барьер для реабилитации.

Этот образовательный дефицит продолжает рассматриваться криминологами и политиками в качестве одного из ключевых, если не определяющего, барьера для успешной ресоциализации [Смирнов, Новиков, Слабкая, 2024]. Отсутствие базовых когнитивных и социальных навыков не только ограничивает возможности для трудоустройства, но и препятствует формированию просоциальной идентичности, способности к рефлексии и критическому осмыслению последствий своих действий. В ответ на этот вызов пенитенциарные системы большинства стран активно развивают и диверсифицируют образовательные программы. Так, в США ими охвачено более 98% федеральных и штатных тюрем, а ежегодные расходы на эти цели превышают 300 миллионов долларов. В странах Европейского Союза внедряются единые стандарты обеспечения образовательных прав заключенных в рамках Европейских пенитенциарных правил, что включает гарантированный доступ к базовому, профессионально-техническому и, в перспективе, высшему образованию.

Основное содержание

Историческая эволюция спектра образовательных предложений в XXI веке существенно ускорилась, пройдя путь от элементарных курсов по ликвидации неграмотности — к комплексным, многоуровневым программам [Pi et al., 2017]. Современная система пенитенциарного образования стран ЕС включает в себя базовое образование для взрослых,

направленное на получение диплома о среднем образовании; профессионально-технические сертификаты, адаптированные к запросам региональных рынков труда, включая быстрорастущие сектора «зеленых» технологий, ИТ и логистики; и, что особенно актуально, дистанционное высшее образование через стратегические партнерства с аккредитованными университетами, использующее защищенные образовательные платформы. Эта трансформация отражает трансформацию парадигмы от наказания к реабилитации и восстановлению человеческого капитала [Supiot, Meadows, 2001].

Философское и теоретическое обоснование пенитенциарного образования в мировом научном дискурсе по-прежнему базируется на его дуальной, но эволюционирующей миссии, которая интегрирует элементы утилитаризма и гуманизма. С одной стороны, утилитарно-инструментальный подход фокусируется на трансляции конкретных знаний и формировании практических компетенций, непосредственно конвертируемых в экономическую самостоятельность [Sivanandan, 1976]. В современной интерпретации этот подход вышел за рамки простого ремесленного обучения. Сегодня он включает формирование цифровых навыков — от базового владения компьютером до работы с облачными сервисами и специализированным ПО, а также «гибких» навыков, критических для современного рынка труда: коммуникации, работы в команде, тайм-менеджмента, решения проблем и эмоционального интеллекта. Экономисты подчеркивают, что инвестиции в такое образование снижают долгосрочные социальные издержки, связанные с рецидивизмом. С другой стороны, социально-воспитательная цель претерпела значительную эволюцию, сместившись от простой инкультурации в сторону более комплексной концепции «восстановительного образования». Данная парадигма, находящаяся на стыке педагогики и восстановительного правосудия, включает в себе развитие эмпатии и ответственности через специальные педагогические методики, формирование просоциальной идентичности, помогающей конструировать новую самоидентификацию, и когнитивное переструктурирование, направленное на коррекцию искаженных когнитивных схем. Считается, что такой синтез утилитарного и восстановительного подходов способствует не только приобретению формальной квалификации, но и глубокой, устойчивой трансформации жизненных ориентиров и системы ценностей, что в конечном счете детерминирует осознанный отказ от криминальной деятельности и долгосрочную интеграцию в социум через легальную занятость и конструктивное социальное взаимодействие.

Современный массив эмпирических данных, включая новейшие систематические обзоры и мета-анализы, продолжает убедительно свидетельствовать о статистически значимом позитивном влиянии образовательных программ на постпенитенциарные траектории. Многочисленные лонгитюдные и когортные исследования на примере стран ЕС подтверждают устойчивую корреляцию между участием в программах и снижением уровня рецидивизма на 13-43% в зависимости от типа программы, длительности участия и социально-демографического контекста. Параллельно фиксируется повышение вероятности трудоустройства в течение первого критического года после освобождения на 15-25% по сравнению с теми, кто не был вовлечен в образовательный процесс. Однако, несмотря на накопленный объем данных, методологическая проблема селекционного смещения остается острой. Данный феномен возникает вследствие того, что заключенные, добровольно записывающиеся на образовательные курсы, могут систематически отличаться от общей популяции по ряду латентных переменных. К ним относятся: более высокий исходный уровень внутренней мотивации, большая ориентация на будущее, развитые когнитивные способности,

наличие внешней поддержки от семьи, а также менее значимая в структуре личности склонность к противоправным действиям. Эти факторы сами по себе предопределяют более успешные постпенитенциарные результаты, и таким образом наблюдаемые позитивные изменения могут быть не столько прямым эффектом образовательной интервенции, сколько отражением исходных различий между группами. Для минимизации данного смещения в исследованиях применяются все более сложные квазиэкспериментальные методики, позволяющие максимально приблизиться к установлению причинно-следственной связи, такие как статистическое сопоставление по склонности, регрессионный анализ с разрывной дизайной и метод инструментальных переменных [Supiot, Meadows, 2001].

Крупные мета-аналитические обзоры, агрегирующие результаты десятков таких методологически строгих исследований, указывают не положительные результаты в системе стран ЕС. Согласно их выводам, у участников образовательных программ уровень рецидивизма в среднем на 10–30% ниже, чем у схожих с ними заключенных из контрольных групп. При этом программы высшего образования, особенно те, что используют гибридные или полностью дистанционные цифровые платформы, демонстрируют наибольшую эффективность в снижении рецидивизма, показывая результат на верхней границе этого диапазона. В сфере занятости программы, ориентированные на цифровые профессии и сертифицированное обучение ремеслам, достоверно повышают вероятность трудоустройства, со средним размером эффекта в 10-15%. Важно подчеркнуть, что эти положительные эффекты признаются статистически устойчивыми даже после учета систематической ошибки, связанной с предпочтительной публикацией значимых положительных результатов.

Теоретическое объяснение эффективности пенитенциарного образования сохраняет комплексный, многокомпонентный характер, при этом сами теории продолжают развиваться и обогащаться новыми концептами. С одной стороны, образование рассматривается как агент ресоциализации и трансформации идентичности. Классический подход, уходящий корнями в социологию и символический интеракционизм, рассматривает образовательный процесс как мощный инструмент изменения личности. Он способствует усвоению просоциальных норм и ценностей через содержание учебных материалов и сам формат академического взаимодействия, развитию когнитивных навыков, включая абстрактное мышление, критическую рефлексию и способность к анализу, что необходимо для конструктивного разрешения моральных дилемм и жизненных трудностей, усилению самоконтроля и импульсивности, которые являются ключевыми факторами в криминологической теории самоконтроля, и формированию «мышления роста», при котором человек начинает верить в свою способность к изменению и развитию. Этот подход в последнее время дополняется теорией дескриптивных норм, которая подчеркивает, что образование помогает сформировать новую, законопослушную социальную идентичность, противопоставленную криминальной субкультуре. С другой стороны, теория человеческого капитала и его современные расширения предлагают альтернативный, или скорее комплементарный, механизм, связанный с чисто экономической логикой. Обучение предоставляет инструменты, релевантные рынку труда: формальные квалификации, дипломы, профессиональные умения. Это объективно повышает конкурентоспособность освобожденного, увеличивает его потенциальный легальный доход и, согласно теории рационального выбора, снижает относительную привлекательность криминальной деятельности, связанной с рисками и нестабильностью. В современном контексте эта теория обогащается понятием «цифрового капитала» — совокупности цифровых навыков, знаний и ресурсов, доступ к которым приобретается через обучение и которые

становятся критическим ресурсом для социально-экономической мобильности в цифровую эпоху.

Несмотря на прогресс в установлении корреляции между образованием и снижением рецидивизма, тонкие каузальные механизмы этого влияния остаются предметом активных академических дебатов и представляют собой плодотворное поле для будущих изысканий. Ключевой нерешенный вопрос формулируется следующим образом: является ли трудоустройство единственным или главным медиатором между образованием и снижением рецидивизма, или же образование оказывает на рецидивизм прямое, независимое воздействие через трансформацию идентичности, ценностных ориентаций и когнитивных схем? Актуальные лонгитюдные исследования направлены именно на выявление этих механизмов с использованием структурного моделирования. Предварительные данные позволяют предположить, что оба пути значимы, но их вес может различаться для разных типов программ и разных категорий заключенных. Практически не изученной областью остается дифференциация механизмов воздействия для новых, возникающих форм обучения, таких как массовые открытые онлайн-курсы, микро-сертификаты, а также обучение на основе виртуальной реальности. Выявление этих причинно-следственных цепочек и контекстуальных факторов является критически важным не только для академического сообщества, но и для практиков и политиков, позволяя оптимизировать распределение всегда ограниченных ресурсов и разрабатывать целевые, основанные на доказательствах интервенции.

Актуализированный анализ эффективности различных образовательных программ убедительно подтверждает существование двух дивергентных моделей влияния на процесс реинтеграции, что указывает на неоднородность образовательных интервенций. Первая модель — комплексное воздействие программ с формальной сертификацией. Программы, завершающиеся выдачей официального документа государственного образца или признаваемого на рынке труда сертификата, демонстрируют наиболее комплексный и статистически значимый положительный эффект. Участники этих программ не только достоверно реже рецидивируют, но и демонстрируют более высокие и стабильные показатели трудоустройства в течение первого года после освобождения по сравнению с релевантными контрольными группами. Вторая модель — селективная эффективность программ без формальной сертификации. Напротив, программы, не предполагающие итоговой аттестации и выдачи формального документа, показывают избирательную и ограниченную эффективность. Их основное позитивное воздействие заключается в достоверном, но умеренном улучшении шансов на трудоустройство. В то же время, статистически значимой связи между участием в этих программах и снижением уровня рецидивизма, как правило, не выявляется. Это фундаментальное различие подчеркивает, что сам по себе факт образовательной активности в пенитенциарной среде, хотя и является необходимым, недостаточен для достижения комплексной реинтеграции. Институциональное признание результатов обучения, материализованное в конкретном документе, играет критически важную, а зачастую и определяющую роль.

Углубленный анализ каузальных механизмов, проведенный с использованием моделей медиации на данных лонгитюдных исследований, подтверждает сложную, опосредованную природу влияния наиболее эффективных программ. Оказывается, что положительное воздействие программ, завершающихся выдачей аттестата, на снижение рецидивизма не является целиком и полностью прямым. Значительная, а в некоторых случаях и преобладающая, часть этого эффекта реализуется через промежуточную переменную — успешное и стабильное

трудоустройство после освобождения. Эмпирические данные подтверждают следующую причинно-следственную цепочку: участие в сертифицированной программе ведет к повышению вероятности получения легальной работы, что, в свою очередь, обеспечивает легальный заработок и социальные связи на рабочем месте, и в конечном счете снижает риск возврата к криминальной деятельности. Таким образом, трудоустройство выступает не просто сопутствующим фактором, а мощным самостоятельным медиатором, который структурно закрепляет позитивные изменения, предоставляя альтернативный источник дохода, чувства собственного достоинства и включенности в просоциальные сети. Следовательно, исправительное образование оказывает двоякое воздействие: способствуя внутренней, психологической трансформации личности, оно одновременно создает объективные, структурные предпосылки для социально-экономической интеграции, делая законопослушный образ жизни не только желательным, но и практически достижимым.

Выявленные закономерности позволяют сформулировать несколько взаимодополняющих теоретических объяснений, центральным из которых является «эффект сертификации». Официальный диплом или сертификат в данном контексте обладает двойной, синергетической ценностью. С одной стороны, это утилитарно-инструментальная ценность: документ выполняет функцию формального допуска, расширяя доступ к сегментам рынка труда, которые предъявляют требования к образовательному цензу. В современной цифровой экономике, где все больше вакансий требуют хотя бы среднего специального образования, эта функция становится критически важной. Это — внешняя легитимация для работодателя. С другой стороны, это символически-психологическая ценность: значимость диплома многократно возрастает в специфическом контексте пенитенциарного учреждения. Для многих заключенных, чья биография была маркирована академическими неудачами и социальным исключением, это становится первым в жизни легитимным документом, сертифицирующим их академическую и личностную состоятельность. Этот акт официального признания со стороны государства является мощным катализатором личностной трансформации: он способствует росту самооценки, формированию новой, просоциальной идентичности и предоставляет осязаемое доказательство их реабилитационного потенциала, выступая материальным свидетельством изменения. Это — внутренняя легитимация для самого человека. Кроме того, наблюдаются существенные различия в содержании и, как следствие, в глубине психолого-педагогического воздействия программ разного уровня. Программы, нацеленные на завершение полного среднего образования, по своему содержанию выходят далеко за рамки базовой грамотности. Они предполагают освоение сложных концепций в области естественных наук, истории, литературы, развитие абстрактного и критического мышления, способности к анализу и синтезу информации. Это создает не только когнитивные предпосылки для глубокого переосмысления жизненных ценностей, моделей поведения и долгосрочных последствий собственных действий, но и формирует более широкую картину мира. Это может обуславливать ее более сильный и устойчивый самостоятельный эффект на снижение рецидивизма, который работает даже при статистическом контроле на фактор занятости. Базовые программы, включая цифровую грамотность и несертифицированные курсы, выполняют иную, но не менее важную социально-педагогическую функцию. Они выступают в роли агента первичной социализации и привития дисциплины труда. Эти программы формируют фундаментальные навыки функционирования в любой регулируемой социальной системе: умение подчиняться внешним требованиям и дедлайнам, справляться с фрустрацией от неудач, проявлять настойчивость и систематически прилагать усилия для достижения отложенной цели. Эти

базовые компетенции — «учиться учиться» — являются ключевыми для успешной адаптации не только на рабочем месте, но и в любом структурированном социальном институте, что и объясняет их мощное, но почти исключительно опосредованное влияние через трудоустройство.

На основе актуализированных эмпирических данных и их теоретической интерпретации можно сформулировать ряд конкретных стратегических рекомендаций для оптимизации пенитенциарной образовательной политики, направленных на максимизацию реабилитационного эффекта. Во-первых, приоритизация программ с формальной сертификацией. Распределение ресурсов должно быть смещено в сторону активного развития и расширения доступности программ, завершающихся выдачей формальных, признаваемых на национальном и региональном рынках труда квалификаций. Это включает в себя не только традиционные академические дипломы, но и, что особенно актуально, отраслевые профессиональные сертификаты, а также цифровые микро-сертификаты, валидность которых признается работодателями. Во-вторых, глубокая интеграция актуальных прикладных компонентов. Необходима целенаправленная работа по усилению инструментальной, прикладной составляющей всех образовательных программ, независимо от их уровня. Учебный процесс должен быть тесно интегрирован с актуальными требованиями современного рынка труда. Это предполагает не эпизодическое, а системное включение в учебные планы таких сквозных компонентов, как цифровая грамотность продвинутого уровня, финансовая грамотность, навыки для «зеленой» и циркулярной экономики, а также навыки эффективной коммуникации, командного взаимодействия, управления проектами и работы с информацией. В-третьих, целенаправленное развитие нормативно-ценностного компонента в высшем образовании. Для программ высшего образовательного уровня, где наиболее вероятен прямой эффект на снижение рецидивизма, особую актуальность приобретает развитие компонентов, направленных на нормативное и ценностное развитие личности. Создание условий для глубокой личностной рефлексии, обсуждения морально-этических дилемм, формирования просоциальных ориентиров и гражданской ответственности может потенцировать внутренние механизмы отказа от преступного поведения. Внедрение принципов восстановительного правосудия непосредственно в образовательный процесс может усилить этот эффект.

Таким образом, образование в пенитенциарных учреждениях неопровержимо подтверждает свой статус одного из наиболее действенных и экономически эффективных инструментов современной исправительной политики. Однако, как показывает проведенный анализ, его максимальный реабилитационный потенциал раскрывается лишь при условии реализации комплексного и дифференцированного подхода, при котором оно перестает быть просто компенсацией академических дефицитов. Наиболее эффективной является интегративная модель, которая органично и системно сочетает в себе три взаимосвязанных компонента: восполнение базовых знаний и когнитивных навыков, выступающее фундаментом для дальнейшего развития; целенаправленное формирование практических, востребованных на рынке труда навыков, обеспечивающее инструментальную основу для экономической самостоятельности; и подкрепление этих достижений актом официального государственного и рыночного признания, которое выполняет не только утилитарную, но и глубокую символическую и психологическую функцию, закрепляя новую просоциальную идентичность. Именно такая триединая стратегия, адаптированная к вызовам цифровой эпохи и учитывающая тонкие каузальные механизмы воздействия, создает прочный и необратимый фундамент для успешной социальной реинтеграции лиц, освободившихся из мест лишения свободы,

способствуя тем самым не только снижению рецидивизма, но и укреплению общественной безопасности в долгосрочной перспективе.

Заключение

Таким образом, пенитенциарное образование подтверждает свой статус одного из наиболее действенных инструментов исправительной политики. Проведенный анализ демонстрирует, что его реабилитационный потенциал полностью раскрывается только при реализации комплексного подхода, выходящего за рамки простого восполнения академических дефицитов.

Ключевым условием эффективности является интегративная модель, органично сочетающая три взаимосвязанных компонента. Во-первых, необходимо восполнение базовых знаний и когнитивных навыков, которое служит фундаментом для дальнейшего развития. Во-вторых, особое значение имеет целенаправленное формирование практических, востребованных на рынке труда компетенций, обеспечивающих инструментальную основу для экономической самостоятельности. В-третьих, принципиально важным оказывается подкрепление этих достижений актом официального государственного и рыночного признания в форме сертификата или диплома. Этот документ выполняет не только утилитарную функцию формального допуска к трудовой деятельности, но и глубокую символическую и психологическую роль, закрепляя новую просоциальную идентичность и выступая материальным свидетельством личностной трансформации.

Библиография

1. Смирнов О. А., Новиков А. В., Слабкая Д. Н. Внедрение экологической повестки в политике образования // Теории и проблемы политических исследований. – 2024. – Т. 13. – №. 1-1. – С. 41-47.
2. Новиков А. В. Социально-психологические характеристики индивида, вовлеченного в непрерывное образование // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2024. – Т. 13. – №. 2-1. – С. 174.
3. Новиков А. В. Проблемы и методы создания системы информального образования // Педагогический журнал. – 2023. – Т. 13. – №. 8-1. – С. 263-271.
4. Новиков А. В., Слабкая Д. Н. Мотивация познавательной деятельности обучающихся образовательных организаций высшего образования // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2023. – Т. 12. – №. 2-1. – С. 279-285.
5. Charles A. et al. Initial training for mental health peer support workers: Systematized review and international Delphi consultation // JMIR mental health. – 2021. – Т. 8. – №. 5. – С. e25528.
6. Costelloe A., Warner K. Prison Education across Europe: Policy, practice, politics // London Review of Education. – 2014. – Т. 12. – №. 2. – С. 175-183.
7. Czerniawski G. Prison education: a Northern European wicked policy problem? // Marketisation and privatisation in criminal justice. – Policy Press, 2020. – С. 273-292.
8. Downes P. Prison Education: Indicators at Micro-Meso Levels // Access to Education in Europe: A Framework and Agenda for System Change. – Dordrecht : Springer Netherlands, 2014. – С. 205-226.
9. Hawley J., Murphy I., Souto-Otero M. Prison education and training in Europe // European commission. – 2013.
10. Li M. et al. Improvement of treatment of drug use disorders in Central Asia the contribution of the EU Central Asia Drug Action Programme (CADAP). – 2017.
11. Lockwood I. Theorizing and addressing the needs of Indigenous justice-involved populations: A systematized review and qualitative investigation of the responsiveness principle : дис. – University of Toronto (Canada), 2022.
12. Sivanandan A. Race, class and the state: the black experience in Britain: For Wesley Dick—poet and prisoner in some answer to his questions // Race & Class. – 1976. – Т. 17. – №. 4. – С. 347-368.
13. Supiot A., Meadows P. Beyond employment: Changes in work and the future of labour law in Europe. – OUP Oxford, 2001.
14. Timofeeva E. A. Foreign prison experience resocialization of prisoners // SHS Web of Conferences. – EDP Sciences, 2019. – Т. 62. – С. 12004.

Employer Participation in the Development of the Penitentiary Education System: Systematization of EU Experience

Oleg A. Smirnov

PhD in Physical and Mathematical Sciences,
Associate Professor,
A.N. Kosygin Russian State University,
115035, 52/45, Sadovnicheskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

This analytical review examines the systemic problem of low educational levels among prisoners as a global structural phenomenon in EU countries and other nations. It is emphasized that educational deficit, combined with other factors of social disadvantage, represents a key obstacle to resocialization. The work traces the evolution of penitentiary education from basic literacy to comprehensive multi-level programs including vocational training and higher education. Based on current empirical data and meta-analyses, a statistically significant impact of educational programs on reducing recidivism in the EU penitentiary system and increasing the likelihood of employment after release is demonstrated. Particular attention is paid to methodological challenges, theoretical foundations (utilitarianism, human capital theory, restorative paradigm) and causal mechanisms of this influence. The central conclusion demonstrates the critical role of formal certification of educational outcomes, which possesses not only utilitarian but also profound symbolic-psychological value, contributing to identity transformation. In conclusion, strategic recommendations for optimizing penitentiary education policy are formulated, aimed at maximizing the rehabilitation effect through the integration of basic education, practical skills, and official recognition of qualifications.

For citation

Smirnov O.A., Slabkaya D.N. (2025) Uchastiye rabotodateley v razvitii sistemy penitentsiarnogo obrazovaniya: sistemizatsiya opyta ES [Employer Participation in the Development of the Penitentiary Education System: Systematization of EU Experience]. *Pedagogicheskii zhurnal* [Pedagogical Journal], 15 (8A), pp. 76-85. DOI 10.34670/AR.2025.57.68.010

Keywords

Penitentiary education, prisoner resocialization, recidivism, educational deficit, functional illiteracy, rehabilitation, reintegration, human capital, restorative justice, recidivism reduction programs, post-release employment, formal certification, vocational training in prisons, digital literacy, social exclusion.

References

1. Smirnov O. A., Novikov A.V., Slabkaya D. N. Implementation of the environmental agenda in education policy // Theories and problems of political research. – 2024. – Vol. 13. – No. 1-1. – pp. 41-47.
2. Novikov A.V. Socio-psychological characteristics of an individual involved in continuing education // Psychology. Historical and critical reviews and modern research. – 2024. – Vol. 13. – No. 2-1. – p. 174.
3. Novikov A.V. Problems and methods of creating an information education system // Pedagogical Journal. – 2023. – vol. 13. – No. 8-1. – pp. 263-271.
4. Novikov A.V., Slabkaya D. N. Motivation of cognitive activity of students of educational institutions of higher education // Psychology. Historical and critical reviews and modern research. – 2023. – Vol. 12. No. 2-1. pp. 279-285.
5. Charles A. et al. Initial training for workers involved in providing assistance to peers in the field of mental health: a systematic review and international consultation on Delphi // JMIR mental health. – 2021. – vol. 8. – No. 5. – p. e25528.
6. Costello A., Warner K. Prison education across Europe: policy, practical approach, implementation // London Review of Education. – 2014. – Vol. 12. – No. 2. – pp. 175-183.
7. Cherniavsky G. Prison education: the problem of unfair policy in Northern Europe? // Marketization and privatization in criminal justice. – Policy Press, 2020. pp. 273-292.
8. Downs P. Education in prisons: indicators at the micro and meso levels // Access to education in Europe: a framework and agenda for systemic change. Dordrecht : Springer, The Netherlands, 2014. pp. 205-226.
9. Hawley J., Murphy I., Suto-Otero M. Prison education and vocational training in Europe // European Commission. – 2013.
10. Ii M. et al. Improving the treatment of drug use disorders in Central Asia - the contribution of the EU Action Programme on Drugs in Central Asia (CADAP). 2017.
11. Lockwood I. Theorizing and meeting the needs of indigenous peoples involved in the justice process: a systematic review and qualitative study of the principle of responsibility. – University of Toronto (Canada), 2022.
12. Sivanandan A. Race, class and the state: the experience of blacks in Britain: For Wesley Dick, a poet and prisoner in some answers to his questions // Race and class. 1976. – Vol. 17. – No. 4. – pp. 347-368.
13. Supiot A., Meadows P. Going beyond employment: changes in the world of work and the future of labor legislation in Europe. – OUP Oxford, 2001.
14. Timofeeva E. A. Foreign prison experience of prisoners' resocialization // Web conferences SHS. – EDP Sciences, 2019. – Vol. 62. – p. 12004.